

М. М. ПОЗДНЕВ

Санкт-Петербургский
государственный университет

«ПОЧТЕННЫЙ АХИЛЛ» — ГЕРОЙ ДВУХ «ПОЭТИК»

Стих 120 «Науки поэзии»: «*scriptor honoratum si forte reponis Achillem*» — передан в рукописях верно: цитата в схолиях к Персию и масса малоправдоподобных исправлений подтверждают аутентичность трудного *honoratum*. Предикативное понимание причастия, предполагающее различные сюжеты с Ахиллом, «удостоенным почёта», не находит поддержки. Единственная приемлемая интерпретация — «прославленный молвой» — оказывается уместной, лишь если под «молвой» разумеется солидную литературную репутацию: «почтенный» приобретает тогда лёгкий уступительный оттенок. Оппозиция *honoratum* — *inexpertum* (ст. 125) и аппозитивное *scriptor*, казалось бы, не оставляют сомнений в правильности данного решения. Необходимо лишь доказать, что Ахилл в античной драме предстал «резким, гневливым, непреклонным, колким» и т. д. (см. ст. 121–122). Характеристики подходят герою Гомера, и все же — комментарий Порфириона не оставляет здесь никаких сомнений — *reponis* означает «снова ставишь», «вновь изображаешь в драме», «заново выводишь на сцену». Между тем в известных пьесах об Ахилле герой предстал иным. Однако пассаж «Поэтики» Аристотеля 1454 b 11–15 доказывает, что именно таким, кроме Гомера, Ахилла изображал знаменитый трагик Агафон, чьё имя восстанавливается в тексте «Поэтики» с помощью арабского перевода. При этом Ахиллу даются в «Поэтике» схожие определения. Предположительно, Гораций помнил слова Аристотеля, когда писал о необходимости следовать традиции, смело взявшись за пьесу с таким «почтенным» центральным персонажем, каков Ахилл.

Ключевые слова: Ахилл, Гораций, Аристотель, Агафон, «Поэтика».

М. М. POZDNEV

St Petersburg State University

“HONORATUS ACHILLES”: THE HERO OF TWO “POETICS”

The famous crux in Horace AP 120 “*scriptor †honoratum† si forte reponis Achillem*” cannot possibly be healed by altering the MSS text. Given the

fact that the scholia to Persius cite the verse with *honoratum*, and among many conjectures none has deserved the palm branch, one can hardly suspect that Horace actually has written anything else. Unsuccessful until now have also been all the attempts to explain *honoratum* as predicative attribute. The only seemingly plausible interpretation *honoratum* = “fama celebratum” pointed out by Jeep and accepted by Ehlers in TLL was refuted by Brink as superfluous to the Horatian thought. It could, however, still be rescued, if the “honor” paid to Achilles actually meant his celebrity among the writers, his lasting poetic reputation, *honoratum*, accordingly, being slightly concessive. This meaning is strongly supported by the opposition *honoratum* — *inexpertum* (v. 125) and by the appositive *scriptor* (“writer” = “if you are going to write”). The only problem, then, is to find another “rough”, “irascible”, “inexorable”, that is to say, another virtually Homeric Achilles in the stage poetry. This is demanded by *reponere* which doubtlessly (cf. the commentary by Porphyrio) means “to restage” viz. a play. Neither Aeschylus nor Sophocles and Euripides and the minor poets, who brought Achilles on stage, seem to meet the Horatian description. But Aristotle’s *Poetics* 1454 b 11–15, where the reading Ἄγαθον is confirmed by the Syro-Arabian branch of transmission, proves that the same Achilles-type, “irascible”, “indolent” etc., was represented by Homer and Agathon. In characterizing Achilles Horace closely resembles Aristotle (and this is just one of many resemblances); it seems probable that he had the relevant locus in mind when he talked of “restaging the honorable Achilles”, who was indeed poetized in Homeric manner by at least one great playwright of the past.

Keywords: Achilles, Horace, Aristotle, Agathon, Poetics.

Hor. Ars Poet. 119–130:

aut famam sequere aut sibi convenientia finge
 120 **scriptor. †honoratum† si forte reponis Achillem,**
 inpiger, iracundus, inexorabilis, acer
 iura neget sibi nata, nihil non adroget armis.
 sit Medea ferox invictaque, flebilis Ino,
 perfidus Ixion, Io vaga, tristis Orestes.
 125 siquid inexpertum scaenae committis et audes
 personam formare novam, servetur ad imum,
 qualis ab incepto processerit, et sibi constet.
 difficile est proprie communia dicere, tuque

vel finge. scriptor honoratum : Homereum Bentley : Homericum L. Mueller : more ratum Praedicow : si forte reponis, Achilles Jeep : cothornatum Peerlkamp : inoratum Reid : honore actum Campbell : honore orbum Postgate : Peliden Funke : adoratum Delz : honorandum Rudd et al. : scriptor honoratus Kraggerud.

I.

Даже когда личность адресатов «*Ars poetica*» будет установлена, едва ли мы узнаем, как они воспользовались Горациевой наукой. Ничем, кроме слов Порфириона «*nam et ipse Piso poeta fuit*», сказанных в подтверждение его — для многих спорной — атрибуции [Syme, 1960, p. 12–20], литературная деятельность «отца и юношей, достойных отца» (ст. 24) не свидетельствуется. По наставлениям Горация пробуют догадаться, в каком жанре пробовал себя «*maior iuvenum*» (v. 366) — предмет особой заботы поэта-наставника. Предположительно, сочинялась трагедия. Адольф Кисслинг полагал, на троянскую тему: «*tuque rectius Iliacum carmen deducis in actus*» обращено к одному из Пизонов, задумавшему пьесу на гомеровский сюжет [Kießling, 1889, S. 248]. Переходя на единственное число в 119-м стихе (а до того обращался и к отцу, и к сыновьям), Гораций советует наделять героев типическими характеристиками. Рекомендации касаются трагедийного театра. Персонажем новой трагедии должен стать Ахилл. Список его качеств — в трёх стихах, тогда как о других (Медея, Ино, Иксион, Ио, Орест) сказано совсем кратко. Придать известному индивидуальные черты («*propterea communia dicere, κοινὰ ἰδιώσειν*») непросто. «Поэтому, вытягивая в сценические действия Илионскую песнь, ты поступаешь правильнее, чем если бы предложил первым никому не знакомое и ранее не поизносившееся» (ст. 129–130). Вероятно, Гораций хочет поддержать начинание молодого Пизона. В новейшем комментарии Ниалла Радда данный сегмент «*Ars Poetica*» представлен частью теории драмы, обращённой к поэту *per se* [Rudd, 1990, p. 171]. Генерализующая трактовка поддерживается, хотя слабо, обращением *scriptor*, в котором спрессован протасис («писа-

тель» = «если взялся писать») и неопределённым *si forte*. Против — *ind. deducis (casus realis)* и жанр *Ars* — скорее послания, чем дидактической поэмы. Прав, по-видимому, Чарльз Бринк, чьё издание и сегодня имеет ценность стандарта. Предлагается компромиссная позиция: «the address to all would-be poets, the Pisos of course included» [Brink, 1971, p. 107]. Лучше переставить акценты: Гораций обращается к юному другу, но хочет научить и других начинающих поэтов. Переводя Гомера на сцену, нужно выполнить ряд условий, при которых «*publica materies privati iuris erit*». Таков теоретический контекст: «Илиада» с её центральным героем даёт крайний пример традиционной темы, противоположной ультра-новому¹.

Главную апорию — «*honoratum Achillem*» (под крестом у Бринка и всех последующих издателей) — легче оценить, уяснив значение *reponis*. В комментариях Порфириона под леммой, повторяющей спорный стих, находим справку из истории античного театра: «*Apud antiquos comoediarum tragoediarumque scriptores cum primum in scaenam prodirent, favorabiliter excipiebantur, etiam si male agerent, ut illorum ad scribendum iterum allicerentur animi, et praetore cogente totam necesse erat peragi fabulam. Sin vero iterum male egissent, incipiebant derideri. Ideo dixit 'reponis', quasi 'iterum profertens'*». Едва ли римский зритель был столь благосклонен к начинающим. Но толкование *reponis* у Порфириона имеет параллель в самой «*Ars poetica*» — ст. 189–190, так называемое правило пяти актов: «*neve minor neu sit quinto productior actu fabula quae posci volt et spectanda reponi*» («пусть не меньше и не пространнее пяти действий будет сюжет, претендующий на востребованность и новую постановку, достойный просмотра»). Впрочем, здесь объект — *fabula*, в нашем случае — *Achillem*, так что «снова ставить» следует понимать метафорически: «повторно выводить на сцену». Пытаются обойтись без театральных коннотаций, напоминая, что в разговоре о живописи и пластике простое *ponere* у поэтов эпохи Августа приобретает значение «изображать», копируя *τίθημι* («*sollers nunc hominem ponere nunc deum*», Hor. Carm. IV, 8, 8, о Скопа-

---

¹ «It is wiser <...> to dramatize material from the Trojan epic rather than to attempt something totally new» [Rudd, 1990, p. 171].

-се и Паррасии). У Персия *sensu translato*, для поэзии: «*nes ponere lucum artifices nec rus satutum laudare*» (1, 70). В семантике *ponere* главное — наглядность, и приставочное *reponere* подразумевает сцену. Такое *reponere* нигде, кроме *Arg*, не засвидетельствовано (Порфирион оттого и сочиняет свою историю), а в ст. 190 речь о постановке. *Reponis* — «снова изображаешь в пьесе», «заново театрализуешь». Качества Ахилла соотносимы с героем эпоса, *reponere* — с драмой.

Итак, *honoratum*. Проблема очевидна. Какой же Ахилл *honoratus*? Восстаёт сам Гомер, у которого вождь мирмидонян оскорблён и пожинает горькие плоды обиды. Кисслинг предлагает обойти трудность: поймём *honoratum* предикативно, и сюжетом новой пьесы станет примирение. Кальпурний Пизон хотел драматизировать ту же часть «Илиады», которая стала основой Патрокловой трилогии Эсхила [Kießling, 1889, S. 246²]. Контраргумент: Ахилл вернулся не потому, что ему оказали почести. Он мстит за Патрокла. Почести он гневно отверг — в 9-й песни. Комментатор соединил *προσβεία* с отказом от гнева. В 19-й песни инициатором примирения выступает Ахилл, говоря, между прочим, что дары ему безразличны (ст. 147–148). Получив доспехи, он хочет скорее вести войско в бой. Обещанное приносят, но дело, конечно, не в этом. Сюжет «Мирмидонян» — смерть Патрокла, «Нереид», второй пьесы трилогии, — изготовление оружия, «Фригийцев» — смерть Гектора и выдача тела Приаму. Если для Горация и Эсхила главное в истории Ахилла было *honoratus*, то в новых версиях герой сильно, как сказали бы романтики, «опошился». Жестокие подвиги Ахилла плохо определяются «честью». Место остаётся *sub stuce*.

В качестве указания на сюжет «Илиады» *honoratus* возвращает к главному — пагубной обиде. Предположим, «честь» — времен-

---

² «*Honoratum* zeichnet die bestimmte Situation, in welcher Achill wieder vorgeführt werden soll, nämlich die Wiederherstellung der Ehre des Schwergeskränkten durch die *προσβεία* und im Anschluss daran seine *ἀριστεία* bis zum Fall Hektors, also den Teil der Ilias, den ungefähr die *Πατροκλεία* des Äschylus behandelt hatte, und den vielleicht gerade der ältere der Brüder zu dramatisieren sich vorgenommen». Линию Кисслинга в новейшее время поддержал Тейвас Оксала [Oksala, 1972, S. 97–103].

ная победа троянцев по воле Зевса, уступившего просьбе Фетиды. Что герой отомщён волей Зевса, писал Дени Ламбэн в 1561 г.³ Новая пьеса не могла сводиться к военным успехам войска Гектора: Ахилл в такой пьесе не у дел. Нужно сосредоточить внимание на нем. Зевс обделил его почётом, вместо того чтобы воздать сверх меры сыну бессмертной за краткий век: прославлена обращённая к матери жалоба героя (II, 1, 353). Но смыт ли позор победами врага, о которых он просит? Ахилл отказывается от извинений, не принимает отступных. Допустим, одного посольства ему мало, хочет, как Кориолан, чтобы просили ещё. Зачем же гибнет Патрокл, отгоняя троянцев? Чтобы было кому просить? Не очень годится для масок, подобных Ахиллу и Кориолану. Назвать сюжет «Илиады» *Achilles honoratus* допустимо лишь с горькой иронией. Такое *honoratum* слишком поместительно, способно вобрать целый трактат об «Илиаде». На вопрос, кто оказал Ахиллу страшную честь, правильный ответ — Гомер.

Конъектуральная критика — увлекательное занятие, и здесь, как всегда, перед нами цветник филологического остроумия, сумму которого в критическом аппарате, составленном по изданиям *Ars* и отдельным публикациям, см. выше, *sub linea*. *Homereum* или *homericum* жирно подчёркивает антитезу: «Снова показываешь того, кто был показан Гомером», идёшь на риск, так не отступай от образца! В ту же сторону ведёт *Peliden* [Funke, 1976, S. 198–201]. Наоборот, *cothornatum* переносит акцент на Ахилла трагедии. *Honore actum* снова учит о персонаже и фабуле троянской поэмы. Приняв *honore orbum* [Postgate, 1910, p. 108] или *honorandum*, вместо задумчивого встретим игривого Горация. «Обделённый честью» Ахилл, хотя и проще, всё же лучше «получившего честь»: тривиальная характеристика поддерживается нижеследующим портретом. Предполагая, как и Кисслинг, что сюжетом Пизона была *πρῆσβεΐα*, Йозеф Дельц предлагает читать *adoratum* [Delz, 1979, S. 144–145⁴].

---

³ Идее Ламбэна следует известный боннский филолог Франц Риттер, осуществивший полное издание Горация в 1856–1857 гг. Об истории толкования, начало которой положил Lambinus: [Brink, 1971, p. 199].

⁴ Странно, что интерпретация Кисслинга, которой помогает *adoratus*, в статье не упомянута.

Палеографически ничто из предлагаемого не идеально. Даже *honorandum*: о бесчестии Ахилла (кстати, персонажа средневекового романа) переписчик наслышан, и исправлять герундив на причастие ему незачем. Все рукописи дают *honoratum*. Кроме того, стих с *honoratum* цитирует схолиаст Персия: «Ponere dicit scribere, ut Horatius *scriptor honoratum si forte reponis Achillem*» (1, 70)⁵.

Персиевы схолии поддерживают переданное в рукописях Горация *honoratum*. Существенна также интерпункция, с которой *scriptor* относится к *reponis*. Так читали позднеантичные и средневековые учёные (ср. лемму Порфириона). Идея воскресла недавно. *Princeps inter pares* в современной норвежской латинистике, Эгиль Краггеруд предлагает ставить точку после *finge* и, соответственно, воспринять *scriptor* как именительный, не вокатив [Kraggerud, 2007]. Сопутствующее исправление Краггеруда неприемлемо. Он меняет *honoratum* на *honoratus*: «as (i. e. if you want to become) an honoured author». Мешает не только цитата из схолиев. Протасис *scriptor honoratus* со следствием *reponis* будет означать реальное настоящее, а не желаемое будущее. Интерпункцию, превращающую *scriptor* в аппозитивное подлежащее к *reponis*, можно, тем не менее, принять, пожертвовав enjembement, для которого нет ясной мотивации. Схолиаст Персия помещает *scriptor* в другую синтагму не для того, чтобы поддержать своё *ponere dicit scribere*. Он помнит стих равным фразе, начинающейся со *scriptor*. Дэвид Шеклтон-Бейли, — думаем, правильно — ставит точку после *finge* [Shackleton-Bailey, 1991, p. 315]. *Sequere* и *finge* не требуют поддержки: ясно, что разговор о сочинительстве. Пояснение нужно для *honoratum*, и *scriptor* как аппозиция может служить таковым, приближая к искомому смыслу.

Качества Ахилла — набор трюизмов, и в этом пафос. Гневливость, вспльчивость — такое же общее место («взметчивый муж» у Гнедича), как и неистовство. *Inpiger* Ахилл не только на поле боя

---

⁵ Мы не обязаны доверять схолиасту в понимании *reponis* — без театра. Следующим примером *reponere*, равного *scribere*, цитируется первый стих Ювенала: «Semper ego auditor tantum numquamne reponam», где *reponere* — «отплачивать».

(Бринк: «Achilles the fighter»), или потому что πόδας ὠκύς. Он подвижен душой, как и телом, быстро меняет настроение, скор на слово и на руку. δεινὸς ἀνὴρ· τάχα κεν καὶ ἀναίτιον αἰτιώωτο (II. XI, 654; Цицерон вспоминает это в шутку, опасаясь задеть Варрона: Ad Att. XIII, 25, 3). То же — неумолимость и доходящая до грубости резкость: так он отвечает послам, так говорит с Приамом. Он «не признает закона, думает, что вправе все получить силой оружия». Курт Латте предположил, что Гораций адаптировал стих некой трагедии [Latte, 1925, S. 3]. Автор Ars имеет в виду традицию, опирающуюся на Гомера: «iura neget sibi nata» парфразирует слова Агамемнона в 1-й песни (ἀλλ' ὄδ' ἀνὴρ ἐθέλει περὶ πάντων ἔμμεναι ἄλλων κτλ., 287–289); «nihil non arroget armis» — прозрачный намек на сцену гнева (ἦ ὃ γε φάσγανον ὄξυ ἐρυσσάμενος παρὰ μηροῦ, I, 190). Сравнивая слепок с оригиналом, комментаторы XVII–XVIII вв. с энтузиазмом первооткрывателей пытались и *honoratus* перевести на греческий⁶. Однако в «Илиаде» τιμήεις — не об Ахилле, только δῖος и φαίδιμος (adornatus? впрочем, φαίδιμ' Ἀχιλλεύς в «Илиаде» так же часто, как φαίδιμ' Ὀδυσσεύς в «Одиссее», так что φαίδιμος не типично для Ахилла). *Honoratus* не передает гомеровских формул, и вряд ли epitheton ornans отсылал бы к чему-то, кроме Гомера⁷.

Подходим к другой, лучшей возможности: *honoratum*, равное *fama celebratum*. Так в статье Виду-Вольфганга Элерса о *honorare* в TLL. Первым толкование предложил латинист конца XIX в. Юстус Йееп, которого затем поддержал Кристиан Йенсен⁸. Йееп ставит запятую после *reponis*, и меняет асс. на nom. *Achilles*. Чарльз

⁶ Реестры этих попыток: [Bentleius, 1713, ad loc.] и [Orelli, 1852, p. 714–715];

⁷ Впрочем, Ян Васцинк предполагает, что эпитет *honoratus* позаимствован Горацием из перевода «Одиссеи» Ливия Андроника, а именно — тех стихов Νέκυια, где Одиссей вспоминает, как высоко ахейцы чтили Ахиллеса (11, 484–485): [Waszink, 1975]. Если автор латинской «Одиссеи» действительно перевёл πρὶν μὲν γάρ σε ζῶν ἐτίομεν ἴσα θεοῖσιν посредством пассивного *honoratus*, всё равно трудно поверить, что подобная реминисценция могла быть запланирована: слишком уж архаично звучал Андроник во времена Горация.

⁸ Свою идею Йееп высказал в письме Густаву Крюгеру: [Krüger, 1900, S. 229]; ср.: [Ehlers, 1987, p. 64].

Бринк не согласен: конъектура неприемлема, а *honoratum* как эпитет Ахилла в значении 'прославленный' не имманентно тексту Горация. В параллель Йееп привёл фразу Цицерона: «*Amphiaraum autem sic honoravit fama Graeciae, deus ut haberetur*» (Div. 1, 88, 10). Здесь, однако, не нужно извлекать *fama* из предыдущего, и ясно, в чем оказанная честь. О значении *honoratus* Цицерон учит: «*cum honos sit praemium virtutis iudicio studioque civium delatum ad aliquem, qui eum sententiis, qui suffragiis adeptus est, is mihi et honestus et honoratus videtur*» (Brut. 281, 1–4). *Famam sequere* отвлечено от *honoratum Achillem*; едва ли fama, задающая поэту образ героя, этого героя «чествует». Да и свойства, которыми его наградила поэзия, следуя молве, как honores более чем сомнительны.

Pace Brink лучшего пути, чем тот, на который наводит комментарий Йеэпа (без ухудшающей эмендации) отыскать не удастся. Сам же Бринк повторяет: «*fama, not Homer is in question*», «*fama not the stage is Horace's point of orientation*» [Brink, p. 1971, 107]. Важна именно литературная репутация. Но откуда она берётся? Гораций знает только о той «молве», источник которой — Гомер, и на сцене герой предполагается таким же, как в «Илиаде». Хотя Аристотель говорит о драматичности Гомера (μόνος γὰρ οὐχ ὄτι εἶ ἀλλὰ καὶ μὴσεῖς δραματικὰς ἐποίησεν, Poet. 1448 b 35–6), все же «Илиада» — не драма. В идеале необходим — этого требует *geronis* — новый Ахилл, Ахилл драмы, схожий характером с героем «Илиады». Остаётся найти его.

II.

Где искать? В «Патроклии» Эсхила или в сатирической драме Софокла «Влюблённые в Ахилла»? (Ахилл на Скиросе — любимый герой сатиров; из больших поэтов на эту тему, кроме Софокла, писал Каркин.) Или в имевшей шумный успех у зрителей эпохи Аристотеля драме Херемона «Ахилл Терситоубийца»? Может быть, у римлян? «Ахилл» Аристарха лагинизирован Эннием, как «Мирмидоняне» Эсхила — Акцием. Неизвестно, каким изображался герой в этих пьесах⁹. Иофонт, Энарет и Диогенид, драматурги вто-

---

⁹ Реконструкция сюжета: [Ribbeck, 1875, S. 349–351]. Отражения Ахилла у трагиков: [Pantelis, 2007].

рого ряда, могли держаться известного. Но Херемон и Каркин — мастера сцены, и о советах Горация следовать традиции ничего не слышали. Аристотель, их современник, рекомендует обращаться с известными сюжетами свободнее (κᾶν ἄρα συμβῆ γενόμενα ποιεῖν, οὐθὲν ἤττον ποιητής ἐστι, Poet. 1451 b 29–30). У Софокла Ахилл — ребёнок («пес nocet auctori, mollem qui fecit Achillem», Ovid. Trist. 2, 411). В «Ифигении в Авлиде» — рыцарственный юноша. Сострадания нет в списке Горация. Ближе всех Гомеру и гораццианскому портрету герой Эсхила. Он ставит себя выше Агамемнона, собственные воины, хор мирмидонян, обвиняют его в предательстве, ахейцы хотят побить камнями. «Iura neget sibi nata». Его долго упрасивают, и Патрокла он отпускает неохотно. «Inexorabilis». Но список Горация начинается с *inpiger* — ‘подвижный’, ‘мятущийся’. Фама об «Ахиллеиде» указывает на другое. Примерно половину первой трагедии (до обращения к нему Феникса, fr. 132b) герой безмолвен, и краснофигурная ваза, которую используют как *terminus ante quem* постановки, изображает его закутанным в плащ и отвернувшимся в сторону. В «Лягушках» Еврипид приводит его примером молчащей фигуры, вместе с Ниобой (ст. 912, пародия в ст. 1264: немота Ахилла кричит об искусстве Эсхила-трагика).

Есть более очевидная параллель, которой, тем не менее, пренебрегали в силу плохой сохранности релевантного греческого текста. «Непротиворечивость» находим в «Поэтике» Аристотеля среди рекомендаций, касающихся свойств персонажа: τὸ ὁμόλογόν (1454 а 26) тождественно *sibi convenientia*. Герой должен демонстрировать последовательное поведение на протяжении всей пьесы: Гораций здесь созвучен Аристотелю. Перечень параллельных мест *Arg* и «Поэтики» указанным далеко не ограничивается. Например, «*si vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi*» (v. 103) пересекается с тезисом Аристотеля о большей убедительности прожитого самим поэтом чувства (1455 а 30–32). Схожи характеристики ямба (А. Р. 79–82, Poet. 1449 а 23–25, 1459 а 10–13, 1459 b 31–1460 а 1), замечания о поэтической вольности в языке (А. Р. 45–46, Poet. 1460 b 11–13), о композиции поэмы и об искусстве Гомера-рассказчика (А. Р. 136–152, Poet. 1451 а 19–29, 1459 а 30–36, 1460 а 5–19). Примеры можно легко умножить; пересечений с Аристотелем

никак не меньше, чем с Неоптолемом из Пария, чей литературно-теоретический трактат известен как основной источник *Arg* [Brink, 1963, p. 43–134]. Трудно думать, что Гораций не был знаком с «Поэтикой», в его время уже доступной римскому читателю. Её цитирует эпикуреец Филодем (из тех же геркуланских папирусов извлечены фрагменты Неоптолема). Вероятно, мыслями о литературе самого Аристотеля мог заинтересоваться и эпикуреец Гораций.

Об Ахилле он мог прочесть в XV главе (1454 b 11–15), через несколько строк после требования «непротиворечивости»: «τὸν ποιητὴν μιμούμενον καὶ ὀργίλους καὶ ῥαθύμους καὶ τὰλλα τὰ τοιαῦτα ἔχοντας ἐπὶ τῶν ἡθῶν τοιοῦτους ὄντας ἐπιεικεῖς ποιεῖν, οἷον τὸν Ἀχιλλέα ἀγαθὸν καὶ παράδειγμα σκληρότητος Ὅμηρος» («Поэту, изображающему гневливых, легко меняющих настроение и наделённых прочими подобными чертами характера людей, даже таких следует делать образцовыми, как например, Гомер сделал Ахилла *добрым* и примером неумолимости»). Связный разве что грамматически текст οἷον τὸν Ἀχιλλέα ἀγαθὸν καὶ παράδειγμα σκληρότητος Ὅμηρος предложил Эдгар Лобел [Lobel, 1929, p. 78]. Рудольф Кассель печатал в крестах: †παράδειγμα σκληρότητος οἷον τὸν Ἀχιλλέα ἀγαθὸν καὶ Ὅμηρος† [Kassel, 1965, p. 25]. Рукописи дают помимо ἀγαθὸν и другое чтение: παράδειγμα σκληρότητος οἷον τὸν ἀχιλλέα ἀγαθῶν καὶ ὄμηρος (Parisinus 1741, XI в. — древнейшая независимая греческая рукопись «Поэтики»). В переводе Вильгельма из Мербеке (1274 г.): «sic et poetam imitantem et iracundos et desides et alia talia habentes in moribus tales entes epieikees facere; exemplar duricie velut Achillem Agathon et Homerus». Общий предок Парижской рукописи и *Translatio Guillelmi* (Ф, не позднее конца X в.) содержал чтение Ἀγάθων. Двадцать пять апографов XV в. заменили Агафона на «доброго» (Ахилла)¹⁰. Меньшинство

---

¹⁰ Чтение οἷον τὸν ἀχιλλέα ἀγαθῶν καὶ ὄμηρος содержат следующие *recitiores*: Ambr. B78sup. f. 88; Ambr. O52sup.; Ambr. P34; Berolinensis gr. 196; Bodleianus Canonicianus gr. 7; Dresdensis gr. D4; Estensis gr. 100; Guelferbutanus Gudianus gr. 26; Laurentianus gr. 31.14; Laurentianus gr. 60.14; Laurentianus gr. 60.16; Laurentianus gr. 60.21; Leidensis Vossianus gr. 34; Marcianus gr. 215; Marcianus 200; Matrinensis 4612; Matrinensis gr. 80; Matrinensis 4805; Matrinensis gr. 92; Meteora M. Metamorph. cod. 91; Parisinus 2040; Parisinus

гуманистов, среди них Кристофоро Руфо, оставили текст с ἀγάθων (Ferrarensis 348; Parisinus 2117; Vaticanus gr. 1388)¹¹. В конце XV в. для первого печатного издания предприняли правку текста, пытаясь, как впоследствии Лобел, справиться с παράδειγμα σκληρότητος. Получилось не очень убедительно для нас, но для того времени более чем сносно: ἐπιεικείας ποιεῖν παράδειγμα ἢ σκληρότητος δεῖ οἶον τὸν Ἀχιλλέα Ἀγάθων καὶ Ὀμηρος. Данное чтение дают три позднейших кодекса (Parisinus 2038; Ravenna Bibl. Classense cod. 381; Riccardianus 16). Казалось бы, все яснее ясного: Аристотель написал Ἀγάθων. Однако одна независимая ветвь традиции имеет ἀγαθὸν παράδειγμα σκληρότητος οἶον τὸν Ἀχιλλέα μὲν ἀγαθὸν καὶ Ὀμηρος (Riccardianus 46, нач. XIV в.). В испорченных местах даже на малом объеме заметно, что Риккардианский кодекс своеобразен: стоит обратить внимание на (вполне приемлемое) μὲν.

При расхождении традиций пробным камнем служит арабский текст, перевод с недошедшей сирийской версии, которая, в свою очередь, была переводом с греческой рукописи не младше IX в. Однако и здесь всё непросто. В спорном месте неясное اجان , что понимали по-разному. Внимательное изучение рукописи с большой определенностью показывает, что правильное диагноз Ярослава Ткача, предложившего اجانن = اجانن , т. е. арабскую транслитерацию имени Агафона [Tkatsch, 1928, S. 254–255] . Ни одно из других слов, которые можно подставить (все это — глаголы в перфекте), не может передать кристально ясное сирийскому переводчику ἀγαθὸν. ابا 'объяснил' или اجاز 'позволил', 'допустил' (вариант Давида Марголиуса: [Margoliouth, 1887, p. 40 (в арабской пагинации)], اجاب 'согласился', اجار 'покровительствовал' . Следовательно, никакого ἀγαθὸν в оригинале не было. Но порча اجانن в اجان невозможна. Вероятно, доступный сирийцу текст уже был испорчен в подобие ΑΓΑΩΝ, и арабское اجان — переделка сирийской транслитерации.

Coislinianus 324; Riccardianus 15; Vaticanus gr. 1400; Vaticanus Urb. gr. 47. Все эти рукописи датированы, имена переписчиков известны.

¹¹ Руфо — автор феррарской рукописи.

Легче объяснить, почему ἀγαθόν возникло в Риккардианской рукописи. Переписчики путали ἀγάθων и ἀγαθόν. Иллюстрация обнаружилась в тексте Марка Аврелия: Ὅσῃν εὐσχολίαν κερδαίνει ὁ μὴ βλέπων τί ὁ πλησίον εἶπεν ἢ ἔπραξεν ἢ διανοήθη, ἀλλὰ μόνον τί αὐτὸς ποιεῖ, ἵνα αὐτὸ τοῦτο δίκαιον ἦ καὶ ὄσιον ἢ κατὰ τὸν ἀγαθὸν † (Dalfen: Ἄγάθωνα Xylander) μὴ μέλαν ἦθος περιβλέπεσθαι, ἀλλ' ἐπὶ τῆς γραμμῆς τρέχειν ὀρθόν, μὴ διερριμμένον (4, 18). Конъектура Вильгельма Ксиландра (Хольцмана), подготовившего editio princeps Марка, достойна пальмовой ветви, поскольку следующие слова действительно напоминают цитату: Август Наяк помещает их среди фрагментов Агафона (TGF 766–767, fr. 16)¹². В новейшем критическом издании «Поэтики» с учётом арабского перевода, коллацию которого осуществил Димитри Гутас, чтение Ἀγάθων справедливо признано аутентичным [Taran, Gutas, 2012, p. 190].

Наша проблема не требует входить подробнее в историю текста «Поэтики». Достаточно оснований вернуться к версии Инграма Байуотера (его комментарий по сей день остаётся надежнейшим помощником в чтении «Поэтики»), возможно, с добавлением μὲν: οἶον τὸν Ἀχιλλέα μὲν Ἀγάθων καὶ Ὅμηρος [Bywater, 1909, p. 44]. Для нас имеет значение, во-первых, что была драма, причём созданная большим художником, где Ахилл выступал таким же «вспыльчивым» и «непостоянным», как у Гомера. Во-вторых, что о герое Агафона и Гомера Аристотель и Гораций говорят в близком контексте. ἐπιεικῆς римскому автору не нужно; он этой сложной идеи не использует. Гораций читал Аристотеля, как поэт читает философа. Захватившая мысль развивалась иногда весьма причудливо. Он не обязан был латинизировать и даже глубоко понимать то, что в «Поэтике» написано про паралогизмы. Ему только понравилось, что Гомер с исключительной ловкостью умеет «врать»

---

¹² Ср.: «Место трудное и можно понять Дальфена, заключающего τὸν ἀγαθὸν в кресты. Тайлер убирал „тёмный нрав“, зато вводил некоего „бегуна“. Предлагаем осмысление чтения T, хотя и гадательное» [Гаврилов, Унт, 1985, с. 225]. Перевод А. К. Гаврилова: «и в достойном человеке не высматривает он темноту нрава, а спешит прямо и без оглядки своим путем» [Гаврилов, Унт, 1985, с. 18].

(научил всех писателей, как правильно обманывать: 1460 а 18–19). И он использовал эту похвалу, вшив в другие («*atque ita mentitur, sic veris falsa remiscet, primo ne medium, medio ne discrepet inum*», 151–152). Существеннее, что из пассажа об Ахилле у Аристотеля можно извлечь традицию, ту литературную молву, которой и «награждён» Ахилл — самый почтенный из всех почтенных героев прожитой поэзии. Что *honoratus Achilles* воплощает традицию, даёт понять сам автор *Ars*, противопоставляя многожды трактовавшийся предмет свежему и новому: *honoratum* поддерживается уравновешивающим антитезу *inexpertum* (ст. 125)¹³. Поэт обращается к ученику: «ты снова выводишь на сцену столь прославленного сценой героя» — прославленного не преданием о том, каков он, но самим качеством написанного о нем, подтверждаемым для Горация текстом «Поэтики».

ЛИТЕРАТУРА

- Гаврилов А. К., Унт Я. (изд., пер., коммент.) Марк Аврелий Антонин. Размышления. Л. : Наука, 1985.
- Bentleius R. (ed., comm.) Horatius Flaccus. Ex rec. et cum notis. Amstelaedami : Wetsten, 1713.
- Brink C. O. Horace on Poetry : Prolegomena to the Literary Epistles. Cambridge : Cambridge University Press, 1963.
- Brink C. O. Horace on Poetry 2 : The Ars Poetica. Cambridge : Cambridge University Press, 1971.
- Bywater I. (ed., comm.) Aristotle. On the Art of Poetry : A Revised Text with Critical Introduction, Translation and Comm. Oxford : Clarendon Press, 1909.

---

¹³ Антитезу заметил Йепп: «*Honoratum* ist Gegensatz von *inexpertum* und durch *fama* zu ergänzen» (см. выше, примеч. 8). На важнейшее для понимания *honoratum* противопоставление с *inexpertum* обратил внимание Д. В. Кейер, поддержавший наше толкование во время дискуссии на кафедре классической филологии СПбГУ. Доклад о «почтенном Ахилле», прочитанный перед аудиторией сотрудников кафедры зимой 2013 г. (еще до того, как нам стало доступно издание «Поэтики» Д. Гутаса и Л. Тарана), вызвал живую реакцию слушателей, причём В. С. Дуров, знаток творчества Горация, особенно выразительно настаивал на самостоятельности поэта, любимого им более других. Последним обстоятельством оправдываем своё стремление принести настоящий этюд в дар юбиляру — профессору В. С. Дурову.

- Delz J.* Textkritische Versuche an der *Ars Poetica* des Horaz // *Museum Helveticum*. Vol. 36. 1979. S. 142–152.
- Ehlers W.* *Honorare* // *Thesaurus Linguae Latinae*. 1987. Vol. VI, 3. P. 29–48.
- Funke H.* Zur *Ars Poetica* des Horaz // *Hermes*. 1976. Bd 104. P. 198–201.
- Kassel R.* (ed.) *Aristotelis De Arte Poetica*. Oxford : Clarendon Press, 1965.
- Kießling A.* (ed., comm.) *Q. Horatius Flaccus. Briefe*. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1889.
- Kraggerud E.* The Problems of Horace *Ars Poetica* 119–120 // *Symbolae Osloenses*. 2007. Vol. 82. P. 60–64.
- Krüger G. T. A.* (ed., comm.) *Des Q. Horatius Flaccus Satiren und Episteln : Für den Schulgebrauch erkl : 2-tes Bdn. 14. Aufl.* Leipzig : B. G. Teubner, 1900.
- Latte K.* Reste frühellenistischer Poetik im Pisonenbrief des Horaz // *Hermes*. 1925. Vol. 60. P. 1–13.
- Oksala T.* Was bedeutet *honoratum...* : Achillem bei Horaz (*Ars* 120)? // *Arctos*. 1972. Vol. 8. P. 97–103.
- Lobel E.* A Crux in the *Poetics* // *The Classical Quarterly*. 1929. Vol. 23. P. 76–79.
- Margoliouth D.* *Analecta orientalia ad Poeticam Aristoteleam*. Londini : D. Nutt, 1887.
- Orelli G., Baiterus G.* (ed., comm.) *Q. Horatius Flaccus / rec. atque interpr. G. Orell ; ed. curavit G. Baiterus*. Turici : sumptibus Orellii, Fuesslini et sociorum, 1852.
- Pantelis M.* *Achilles in the Greek Tragedy*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
- Postgate J. P.* *Horatiana* // *The Classical Quarterly*. Vol. 4. 1910. P. 106–111.
- Ribbeck O.* *Die römische Tragödie im Zeitalter der Republik*. Leipzig : B. G. Teubner, 1875.
- Rudd N.* (ed., comm.) *Horace. Epistles, Book II and Epistles to the Pisones ('Ars Poetica')*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- Schakleton-Bailey D. R.* (ed., comm.) *Horatius. Opera*. Stuttgart : Teubner, 1991.
- Syme R.* *Piso Frugi and Crassus Frugi* // *Journal of Roman Studies*. 1960. Vol. 50. P. 12–20.
- Taran L., Gutas D.* (eds.) *Aristotle. Poetics / Editio Maior of the Greek text with Historical Introduction and Philological Commentaries*. Leiden : Brill, 2012.
- Tkatsch J.* *Die arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles und die Grundlage der Kritik des griechischen Textes*. Wien ; Leipzig : Hölder-Pichler-Temsky, 1928.

Waszink J. H. Honoratum Achillem (Hor., A. P. 120) // Mnemosyne. 1975. Bd 28. S. 418–420.

REFERENCES

- Gavrilov A.K., Unt Ya. (publ., transl., comm.) Mark Avreliyi Antonin. Raz-myshleniya [Meditations]. Leningrad, Nauka Publ., 1985.
- Bentleius R. (ed., comm.) Horatius Flaccus. *Ex rec. et cum notis*. Amstelaedami, Wetsten, 1713.
- Brink C.O. *Horace on Poetry: Prolegomena to the Literary Epistles*. Cambridge, Cambridge University Press, 1963.
- Brink C.O. *Horace on Poetry 2: The Ars Poetica*. Cambridge, Cambridge University Press, 1971.
- Bywater I. (ed., comm.) Aristotle. *On the Art of Poetry: A Revised Text with Critical Introduction, Translation and Comm.* Oxford, Clarendon Press, 1909.
- Delz J. Textkritische Versuche an der Ars Poetica des Horaz. *Museum Helveticum*. Vol. 36. 1979. S. 142–152.
- Ehlers W. Honorare. *Thesaurus Linguae Latinae*. 1987. Vol. VI, 3. Pp. 29–48.
- Funke H. Zur Ars Poetica des Horaz. *Hermes*. 1976. Bd 104. Pp. 198–201.
- Kassel R. (ed.) *Aristotelis De Arte Poetica*. Oxford, Clarendon Press, 1965.
- Kießling A. (ed., comm.) Q. Horatius Flaccus. *Briefe*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1889.
- Kraggerud E. The Problems of Horace Ars Poetica 119–120. *Symbolae Osloenses*. 2007. Vol. 82. Pp. 60–64.
- Krüger G.T.A. (ed., comm.) *Des Q. Horatius Flaccus Satiren und Episteln: Für den Schulgebrauch erkl.* 2tes Bdn. 14. Aufl. Leipzig, B.G. Teubner, 1900.
- Latte K. Reste frühellenistischer Poetik im Pisonembrief des Horaz. *Hermes*. 1925. Vol. 60. Pp. 1–13.
- Oksala T. Was bedeutet honoratum...: Achillem bei Horaz (Ars 120)? *Arctos*. 1972. Vol. 8. Pp. 97–103.
- Lobel E. A Crux in the Poetics. *The Classical Quarterly*. 1929. Vol. 23. Pp. 76–79.
- Margoliouth D. *Analecta orientalia ad Poeticam Aristoteleam*. Londini, D. Nutt, 1887.
- Orelli G., Baiterus G. (ed., comm.) Q. Horatius Flaccus, rec. atque interpr. G. Orelli; ed. curavit G. Baiterus. Turici, sumptibus Orellii, Fuesslini et sociorum, 1852.
- Pantelis M. *Achilles in the Greek Tragedy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007.
- Postgate J.P. Horatiana. *The Classical Quarterly*. Vol. 4. 1910. Pp. 106–111.

- Ribbeck O. *Die römische Tragödie im Zeitalter der Republik*. Leipzig, B.G. Teubner, 1875.
- Rudd N. (ed., comm.) Horace. *Epistles, Book II and Epistles to the Pisones ('Ars Poetica')*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
- Schakleton-Bailey D.R. (ed., comm.) Horatius. *Opera*. Stuttgart, Teubner, 1991.
- Syme R. Piso Frugi and Crassus Frugi. *Journal of Roman Studies*. 1960. Vol. 50. Pp. 12–20.
- Taran L., Gutas D. (eds.) Aristotle. *Poetics*. Editio Maior of the Greek text with Historical Introduction and Philological Commentaries. Leiden,: Brill, 2012.
- Tkatsch J. *Die arabische Übersetzung der Poetik des Aristoteles und die Grundlage der Kritik des griechischen Textes*. Wien; Leipzig, Hölder-Pichler-Temsky, 1928.
- Waszink J.H. Honoratum Achillem (Hor., A. P. 120). *Mnemosyne*. 1975. Bd 28. S. 418–420.
-

Поздnev Михаил Михайлович

доктор филологических наук; профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета

E-mail: drpozdney@yandex.ru
m.pozdney@spbu.ru